

W 468
243

Рожков

W 468
243

Н. РОЖКОВЪ.

Къ вопросу
О СТЕПЕНИ ДОСТОВѢРНОСТИ
ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЪЛОДСКІЙ ПЕР., СОВ. Д.

1898

W $\frac{168}{243}$

Н. РОЖКОВЪ.

W $\frac{468}{243}$

Къ вопросу
О СТЕПЕНИ ДОСТОВѢРНОСТИ
ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОб. А.

1898

(Оттискъ изъ втораго тома Трудовъ Археографической
Коммисіи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археоло-
гическаго Общества).

Ф14655-35

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго
Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.
Предсѣдатель Общества гр. П. С. Уварова.

Писцовыя книги принадлежатъ, несомнѣнно, къ важнѣйшимъ историческимъ источникамъ, особенно въ области экономической исторіи; онѣ отвѣчаютъ на рядъ вопросовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для историка народнаго хозяйства, знакомятъ съ составомъ и количествомъ населенія, съ процессомъ колонизаціи, съ количествомъ и взаимоотношеніемъ разныхъ угодій, съ распредѣленіемъ и мобилизаціей поземельной собственности, съ организаціей производства въ области сельскохозяйственной промышленности, наконецъ, нерѣдко съ распредѣленіемъ результатовъ сельскохозяйственной производительности — этого главнаго хозяйственнаго нерва древней Руси — между землевладѣльцами, земледѣльцами и государствомъ. Нельзя сказать, чтобы въ русской исторической литературѣ недостаточно сознавалась эта важность писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника, и однако до сихъ поръ, если не считать работъ Иванова и Неволіна, посвященныхъ исторіи межеванія земель въ Россіи и только соприкасавшихся съ писцовыми книгами, — на изученіи этихъ послѣднихъ основывались очень немногіе изслѣдователи, если не ошибаемся, только трое: г. Чечулинъ въ своемъ сочиненіи „Города Московскаго государства въ XVI в.“, г. Лаппо, сдѣлавшій статистическую сводку матеріала

писцовыхъ книгъ XVI в. по Тверскому уѣзду, и г. Миклашевскій, который въ своей диссертациі о заселеніи и сельскомъ хозяйствѣ южной окраины Московскаго государства изучилъ писцовыя книги, относящіяся къ этой мѣстности. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что всѣ другіе изслѣдователи не изучали совсѣмъ писцовыхъ книгъ, но несомнѣнно, что матеріаль, въ нихъ заключенный, не охватывался ими цѣликомъ, они касались его только попутно. Въ чемъ заключается причина слабаго знакомства нашего съ писцовыми книгами? Прежде всего, конечно, въ томъ, что это источникъ почти неисчерпаемый: писцовыхъ книгъ, особенно отъ XVII вѣка, осталось такъ много, что сводка ихъ въ таблицы, совершенно необходимая по самой сущности источника, представляется трудомъ едва ли посильнымъ для одного человѣка. А затѣмъ, надо думать, не остается безъ вліянія еще одно обстоятельство: русская дѣйствительность недавнихъ временъ, а отчасти и современная, мало балуетъ насъ точными статистическими данными: извѣстна довольно фантастическая казенная статистика первой половины нашего вѣка, до научнаго обновленія въ этой сферѣ съ появленіемъ земско-статистическихъ учрежденій и правильной организаціей центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ; ни для кого не тайна, что и теперь различныя статистическія вѣдомости, заполняемыя волостными правленіями, нерѣдко совсѣмъ не отличаются точностью показаній и ихъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности. Отъ этихъ воспоминаній и непосредственныхъ наблюденій недалеко до скептическаго отношенія и къ древнерусскому „письму“ и его результатамъ—писцовымъ книгамъ. Что такой скептицизмъ дѣйствительно существуетъ, — показываютъ изслѣ-

дованія гг. Лаппо-Данилевскаго и Миклашевскаго: первый находитъ переписи недостаточно быстрыми и единовременными, неудовлетворительными по способамъ и формамъ, лишенными научныхъ приѣмовъ при изученіи почвъ и цѣнности хозяйствъ и преисполненными множества ошибокъ, которыя произошли какъ отъ теоретическихъ затрудненій, такъ и отъ обмановъ со стороны населенія и небрежности и злоупотребленій писцовъ ¹⁾; второй названный изслѣдователь—г. Миклашевскій, присоединяясь въ общемъ къ мнѣнію своего предшественника, замѣчаетъ въ частности, что нельзя считать достовѣрными цифры, указывающія на размѣры разныхъ угодій, особенно пашни паханой, и что основанія писцовыхъ записей весьма шатки: это именно „сказки“, т. е. показанія отдѣльных лицъ, непровѣренныя письменными документами ²⁾.

При наличности такихъ возрѣній и при несомнѣнной важности писцовыхъ книгъ какъ историческаго источника вполне своевременной является новая попытка опредѣлить степень ихъ достовѣрности. Предпринимаемая эту попытку, мы будемъ имѣть въ виду по преимуществу писцовыя книги XVI вѣка, во многомъ отличныя отъ позднѣйшихъ и составившіяся при иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ тѣ, которыми сопровождалось описанія XVII вѣка.

Современная статистическая теорія выставляетъ слѣдующія четыре требованія, которымъ должно удовле-

1) *Лаппо-Данилевскій*, Организанія прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1890, стр. 205—214.

2) *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство юж. окраины XVII в., М. 1894 стр. 46—47, 54, 57, 62.

творять всякое статистическое изслѣдованіе для того, чтобы имѣть научное значеніе: 1) необходима точность отдѣльнаго наблюденія, 2) полнота наблюденія, 3) вѣрность вычисленія и 4) возможность установленія причинной связи изслѣдуемыхъ явленій ¹⁾. Требованія эти очень серьезны, и сами статистики, сознавая это, на практикѣ принимаютъ только извѣстную степень приближенія къ идеалу, ставя необходимымъ условіемъ лишь возможно-точное опредѣленіе *степени* этого приближенія. Не забудемъ и мы этого, чтобы не сдѣлаться *plus royalistes que le roi*.

Удовлетворяютъ ли писцовыя книги первому требованію — точности отдѣльнаго наблюденія? Чтобы оно было точно, необходима прежде всего ясная и точная программа наблюденія, опредѣляемая въ свою очередь ясностью цѣли, съ которой ведется изслѣдованіе ²⁾. Въ ясности цѣли древнерусскаго „письма“ не можетъ быть никакого сомнѣнія: — цѣль была финансовая, обезпеченіе земель отбыванія службы и тягла на государя, — и это создало строго опредѣленный, отлившійся въ довольно неподвижныя формы типъ земельного описанія: писцы должны были отвѣтить на вопросы: кто владѣетъ землею и кто ею владѣлъ? сколько землевладѣльческихъ единицъ существуетъ въ данной мѣстности? изъ сколькихъ поселеній — населенныхъ и пустыхъ — слагается каждая изъ этихъ единицъ? сколько дворовъ составляетъ каждое поселеніе? какъво количество взрослога мужскаго рабочаго населенія въ каждомъ поселеніи? сколько пашни, перелога, сѣнныхъ покосовъ, лѣса заключаетъ

¹⁾ А. О. *Фортуатовъ*, Сельскохозяйственная статистика. Европейской Россіи, Москва 1893, стр. 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 21.

въ себѣ отдѣльная землевладѣльческая единица и каждый поселокъ, ее составляющій? наконецъ, во сколько сохъ—единицъ податного обложенія — положено было каждое имѣнiе; къ этому иногда прибавлялись обожный и вытный счетъ и данныя объ оброкѣ,—позднѣ почти исключительно въ дворцовыхъ селахъ. Можно пожалѣть, что вопросовъ этихъ не больше, что они не раскрываютъ предъ нами съ достаточной ясностью внутренней организациі сельскохозяйственнаго производства во всемъ его объемѣ, но нельзя отказать программѣ въ единствѣ цѣли и ясности: всѣ вопросы были просты и ясны, не требовали особаго умышленнаго напряженія отъ писцовъ и цѣль имѣли строго-опредѣленную и узкую, такъ что писцамъ не представлялось опасности запутаться въ слишкомъ сложномъ лабиринтѣ требованій и данныхъ.

Далѣе: для точности наблюденія необходима строго опредѣленная мѣра, которою слѣдуетъ производить измѣренія ¹⁾. Мѣрами этими были въ XVI в. четверти, десятины, версты, копны. Конечно, всѣ эти мѣры были въ точности извѣстны самимъ писцамъ, но онѣ не представляютъ никакой тайны и для насъ: четверть или четъ, какъ извѣстно, равнялась половинѣ десятины, десятина при земельныхъ измѣреніяхъ принималась въ 2400 квадратныхъ сажень, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя указанія писцовыхъ книгъ, на примѣръ, книгъ Заверьяжскимъ сѣннымъ покосамъ въ Шелонской пятинѣ 7106 г., составленныхъ подъячимъ Василюемъ Кононовымъ и Никитою Ларионовымъ: здѣсь, на примѣръ, 4 десятинамъ приравнена площадь въ 80 сажень въ длину и 120 сажень въ ширину ²⁾. Верста

¹⁾ Тамъ, же стр. 23.

²⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, писц. кн. 740 л. 1 об.

считалась въ 1000 сажень ¹⁾. Казалось бы, такая мѣра, какъ копна, употребляемая для измѣренія сѣнныхъ покосовъ, не могла быть особенно точною: данныя писцовыхъ книгъ удостовѣряютъ въ противномъ: кладка копень, повидимому, измѣнялась только въ зависимости отъ качества сѣна, а не отъ условій времени и мѣста: съ одной десятины покосовъ собиралось обыкновенно сѣна крупнаго 20 — 30 копень, мелкаго по 15 или 20 копень, худого по 15 коп. ²⁾. Но особенно яркимъ примѣромъ той точности, съ которой при описаніи опредѣлялись каждый разъ мѣра, какая положена въ основу всей работы, служить одна сотная выпись 1544—45 гг., относящаяся къ дворцовому селу Буйгороду Волоколамскаго уѣзда; здѣсь между прочимъ читаемъ: „а вытей въ селѣ и въ деревняхъ 134, а на выть хрестьянскіе пашни по шти десятинѣ въ полѣ, а пахати имъ на великаго князя въ селѣ Буѣгородѣ 134 десятины, съ выти по десятинѣ, а мѣра десятинѣ въ длину восьмьдесятъ сажень, а поперекъ тридцать сажень, а сѣяти имъ на десятину по двѣ четверти ржи, а овса вдвое, а навозъ имъ возити на великаго князя пашню и—своихъ дворовъ по тридцати колышекъ на десятину, а мѣра колышкѣ въ длину и поперекъ четыре пяди, а вверхъ двѣ пяди“ ³⁾. Дальше этого въ точности идти, кажется, некуда; всякое отступленіе отъ обычной мѣры всегда указывается въ писцовыхъ книгахъ, и по нимъ можно

¹⁾ См. *Костомаровъ*, Историческія монографіи т. 19-й, Спб. 1887. Сводъ законовъ ч. III, т. X, ст. 567 и 571.

²⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. 740 лл. 110, 115, 133 и др.; 119 и др. 116 об.

³⁾ Арх. Мин. Юст., грамоты коллегіи экономіи, № 2432, Волоколамскій уѣздъ.

не колеблясь въ точности опредѣлить величину употребляемой мѣры: такъ въ „поженныхъ“ книгахъ, т. е. въ книгахъ, описывающихъ пожни или сѣнные покосы, всегда рядомъ съ указаніемъ на длину и ширину измѣряемой площади въ саженьхъ находимъ данныя о той же площади въ десятинахъ и о количествѣ копенъ сѣна, съ нея снимаемыхъ ¹⁾.

Еще болѣе важнымъ условіемъ точности наблюденія является правильность его пріемовъ. Здѣсь прежде всего надо выяснитъ, ограничивались ли писцы однимъ только опросомъ или они также производили осмотръ на мѣстѣ и повѣрку по документамъ? Г. Миклашевскій склоняется къ рѣшенію этого вопроса въ первомъ направленіи, т. е. полагаетъ, что писцы многое писали только со словъ другихъ, не подвергая этихъ „сказокъ“ критикѣ ²⁾. Напомнимъ прежде всего, что и теперь опросъ является главнымъ источникомъ статистическихъ свѣдѣній такой высокой научной цѣнности и достовѣрности, какою отличаются земско-статистическія работы. Для успѣшности этого опроса и достовѣрности его результатовъ требуется соединеніе двухъ главныхъ условій: опытности статистика, производящаго опросъ, и возможности контроля показаній опрашиваемаго со стороны односельчанъ и сосѣдей ³⁾. Едва ли нужно задавать вопросъ, были ли московскіе писцы достаточно опытны въ дѣлѣ описанія? Стоитъ только припомнить, что переписи на Руси начались еще въ XIII вѣкѣ, а во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія дѣло описанія достигло уже, повиди-

1) Арх. Мин. Юст., писц. кн., 740, лл. 57 об., 58 и мн. др.

2) Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 54, 57.

3) *Фортунатовъ*, Сельскохозяйственная статистика, стр. 25, 26.

тому, значительнаго развитія ¹⁾, и что многіе писцы не разъ въ своей жизни и не въ одномъ уѣздѣ производили описанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо лишь просмотрѣть списки данныхъ о книгахъ письма и мѣры разныхъ писцовъ, составленные гг. Милюковымъ и Дьяконовымъ ²⁾. Мы ограничимся указаніемъ двухъ—трехъ примѣровъ, относящихся къ сохранившимся—вполнѣ или отчасти—писцовымъ книгамъ XVI вѣка: такъ Иванъ Петровичъ Заболоцкій въ 1539—40 г. описывалъ Тверской уѣздъ ³⁾, а въ 1553—54 Двинскій ⁴⁾; Дмитровскій уѣздъ въ 1537—38 г. былъ описанъ тѣмъ же Александромъ Семеновичемъ Упинымъ Слизневымъ, который въ 1542—43 г. производилъ «письмо» въ Можайскомъ уѣздѣ ⁵⁾; писцовыя книги Владимірскаго уѣзда 1554—55 г. и Переяславскаго 1557—57 г. составлены одними и тѣми же лицами—Андреемъ Васильевичемъ Лодыгинымъ и Василиемъ Михайловичемъ Гирѣевымъ ⁶⁾. Такимъ образомъ невозможная въ то время научная теоретическая подготовка къ статистическимъ изслѣдованіямъ замѣнялась вѣковыми традиціями и практической сноровкой, создававшими извѣстные рутинные приемы, которые предохраняли писцовъ отъ ошибокъ. Вотъ почему нельзя

¹⁾ *Милюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, Спб., 1892, стр. 18, 19.

²⁾ См. тамъ же, приложение въ концѣ книги и „Журналь Министерства Народн. Просвѣщенія“ за 1893 г., июль.

³⁾ См. *Милюковъ*, Спорные вопросы, приложение I и писц. кн. XVI в., изд. Колачовымъ, т. I, отд. 40—140.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст., грам. колл. экономіи, № 4125.

⁵⁾ Тамъ же, №№ 3764, 3765, 3767, 7613.

⁶⁾ *Федотовъ - Чеховскій*, Акты, относящіяся до гражданской расправы древн. Россіи т. I, 232—234; Арх. Мин. Юст., грам. колл. экон., № 8905.

согласиться съ г. Лаппо-Данилевским¹⁾, что писцами были большею частью лица мало подготовленные къ возлагаемой на нихъ работѣ. Съ другой стороны, правительство внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы писцы повѣряли показанія опрашиваемыхъ черезъ посредство третьихъ лицъ, добросовѣстныхъ и знакомыхъ съ мѣстными условіями: межеваніе, отводъ и описаніе земель производилось при непремѣнномъ участіи поповъ и крестьянъ — старожильцевъ, иногда въ довольно значительномъ количествѣ; по одному «обысному листу», свѣдѣнія, необходимыя для записи въ книги, сообщили «четыре попа да разныхъ боярщинъ пять приказщиковъ, да 86 крестьянъ, всего 95 человекъ»²⁾; такъ было въ 1567 г. въ Московскомъ уѣздѣ; спустя 10 лѣтъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ фактъ и причина запустѣнія одного имѣнія констатированы четырьмя попами, четырьмя прикащиками дѣтей боярскихъ и 62 крестьянами³⁾. Примѣры эти, при желаніи, можно умножить до какого угодно предѣла⁴⁾. Не было недостатка и въ повѣркѣ получаемыхъ путемъ опроса и осмотра данныхъ по документамъ: особенно характернымъ примѣромъ этого является одна писцовая книга вотчинъ Троицкаго Сергіева монастыря, составленная въ 1593—94 годахъ и относящаяся къ Московскому уѣзду: писцы здѣсь строго провѣряли права монастыря на владѣніе по разнымъ документамъ — даннымъ, вкладнымъ, купчимъ грамотамъ, приправочнымъ кни-

1) Организация прямого обложенія, стр. 193.

2) Русская Историческая Библіотека т. II, № 37, столб. 43.

3) Дьяконовъ, Акты, относящіяся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, вып. II, № 26, стр. 26.

4) Особенно много ихъ можно найти въ грам. колл. эк., хранящихся въ Арх. Мин. Юст. подъ № 5129, Кострома.

тамъ¹⁾. Но это ни въ какомъ случаѣ не единственный примѣръ: въ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются указанія на „старое письмо“²⁾, по нимъ можно составить себѣ довольно точное представленіе о способахъ мобилизаціи поземельной собственности, такъ какъ писцы постоянно отмѣчаютъ, на какіе документы опираются владѣльческія права того или другого лица: такъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, по книгамъ 1548 г., изъ общаго числа 318 вотчинъ право на 134 вотчины подтверждается, согласно повѣркѣ писцовъ, купчими грамотами, въ 48 случаяхъ владѣніе основано на мѣновыхъ, въ 34 на закладныхъ и т. д.³⁾ Рядъ подобныхъ же наблюденій можно сдѣлать и по книгамъ другихъ уѣздовъ, на примѣръ, Коломенскаго и Московскаго: въ первомъ изъ нихъ 47 вотчинъ оказываются изстаринными, 2 приобрѣтены по купчей, 1 по закладной, 10 по духовной⁴⁾ и пр. Итакъ основные приемы описанія не находятся въ противорѣчій съ современной теоріей и практикой статистики, такъ что ихъ изученіе не даетъ намъ права подозрѣвать достоверность результатовъ наблюденія.

Но изслѣдователи отмѣчаютъ отдѣльныя частности этихъ приемовъ, повидимому способныя разочаровать насъ въ цѣнности свѣдѣній, сообщаемыхъ источникомъ; въ самомъ дѣлѣ: почему бы не снабдить насъ подроб-

1) Писц. кн., изд. Калачевымъ, ч. I, отд. I, стр. 277 и слѣд. Ср. *Рождественскій*, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в., въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1895 г., май, стр. 75.

2) См., напр., Арх. Мин. Юст., писц. кн. 740 лл. 108 об.—148.

3) *Ланно*, Тверской уѣздъ въ XVI в., М., 1894, стр. 222—223.

4) Подсчетъ произведенъ пишущимъ эти строки на основаніи писц. книгъ изд. Калачевымъ, часть I, отд. I стр. 335—608.

ными данными о количествѣ женскаго населенія? а этого и не достаесть въ писцовыхъ книгахъ, что и ставить-имъ въ упрекъ г. Лаппо-Данилевскій¹⁾; но этотъ почтенный изслѣдователь забываетъ при этомъ, что къ живому явленію, къ документу, созданному житейской практикой и потребностями времени, нельзя подходить съ апріорнымъ кабинетнымъ мѣриломъ; древнерусскіе писцы не справлялись съ требованіями, подобными нашимъ, а отвѣчали лишь на тѣ вопросы, которые соотвѣтствовали прямой и непосредственной цѣли описанія; имъ нужно было опредѣлить, въ какой мѣрѣ земля была въ состояніи отбивать государственное тягло,—а для этого необходимо было ознакомиться только съ количествомъ взрослогумужскаго населенія, что впрочемъ и для насъ имѣетъ первостепенное значеніе. Такое ограниченіе задачи лишній разъ свидѣтельствуетъ только о практическихъ достоинствахъ писцовыхъ книгъ, т. е. увеличиваетъ наше къ нимъ довѣріе. Мы, конечно, согласимся—далѣе—съ г. Лаппо-Данилевскимъ, что въ то время не было научнаго, т. е. химическаго, анализа почвъ²⁾, но нельзя не признать слишкомъ поспѣшнымъ тотъ выводъ, что сравненіе различныхъ земель по ихъ качеству опиралось исключительно на наблюденія за результатами урожая, причемъ эти наблюденія ограничивались будто бы тѣснымъ райономъ опредѣленной мѣстности, охватывавшейся въ данный моментъ описаніемъ³⁾. Прежде всего, оставаясь въ предѣлахъ XVI вѣка, замѣтимъ, что въ то время въ странѣ не могло еще быть такого большого разли-

1) Организація прямого обложенія, стр. 206.

2) Организація прямого обложенія, стр. 206.

3) Тамъ же, стр. 222—224.

чія въ почвѣ разныхъ мѣстностей, какое существуетъ теперь: вѣдь Московская Русь тогда только касалась границъ южнаго и восточнаго чернозема, не захвативъ его еще широкимъ колонизационнымъ движеніемъ. А затѣмъ есть признаки, указывающіе на болѣе объективное мѣрило, которымъ руководились при дѣленіи земли на добрую, среднюю, худую и добре-худую; въ писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины, относящейся къ половинѣ XVI вѣка встѣчаются нерѣдко такіа замѣчанія: „положено въ обжу по полвосми корабей въ полѣ, потому что земля худа (или добре-худа), *комениста и песчата*“¹⁾; въ сотной выписи дворцовыхъ земель въ Волоколамскомъ уѣздѣ 1543—44 г. между прочимъ читаемъ о крестьянахъ деревни Починокъ Короткой: „а пахать имъ въ селѣ на Буйгородѣ полвыти (т. е. относительно меньше, чѣмъ прочимъ крестьянамъ), потому что деревня сгорѣла и земля у ней худа, *песокъ*“²⁾. Эти два характерныхъ примѣра убѣдительно свидѣтельствуютъ, что земли различались по качеству не только по степени ихъ урожайности въ извѣстное, быть можетъ, очень непродолжительное время, но и на основаніи наблюдений за составомъ почвы. Конечно, отсюда еще далеко до научной точности химическаго анализа, но нѣтъ сомнѣнія, что для практическихъ цѣлей было совершенно достаточно и этихъ эмпирическихъ хозяйственныхъ наблюдений: припомнимъ, съ какимъ искусствомъ и теперь достигаетъ

1) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, книга по Новг. № 4—цитировано у г. Дьяконова въ его рецензіи на „Спорные вопросы финанс. ист. Моск. гос.“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1893 г., июль.

2) Архивъ Министерства Юстиціи, грамоты коллегіи экономіи, № 2432, Волоколамскій уѣздъ.

крестьянскій міръ земельного уравненія путемъ дробленія земли на „ярусы“ или „коны“, въ основѣ которыхъ лежитъ по преимуществу различіе земель по качеству¹⁾). Изъ этого слѣдуетъ, что показанія писцовыхъ книгъ объ относительномъ количествѣ доброй, средней и худой земли нельзя заподозривать: они имѣютъ свои серьезныя основанія.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ одномъ замѣчаніи г. Миклашевскаго, который придаетъ ему очень важное значеніе. Онъ приводитъ изъ писцовыхъ книгъ Новосильскаго уѣзда 1628—30 г.г. одинъ итогъ, въ которомъ значитъ, что помѣщичьей пашни паханой было 503 четверти, а крестьянской — только 25 четвертей, если не считать 972 четвертей, паханныхъ наѣздомъ; при этомъ любопытно, что при переводѣ четвертной пашни на сошное письмо вся помѣщичья пашня, хотя и паханая, считается въ пустѣ, въ живущемъ же считается только 25 четвертей крестьянской пашни. Указывая, что этихъ 25 четвертей слишкомъ мало для 91 крестьянскаго и бобыльскаго двора, за которыми онъ числятся, г. Миклашевскій спрашиваетъ: „не показана ли въ данномъ случаѣ только облагаемая, окладная пашня паханая?“ На этомъ основаніи дѣлается выводъ, что надо относиться осторожнѣе къ цифрамъ пашни паханой²⁾, и что эти цифры „суть часто результатъ ариѳметическихъ вычисленій, производившихся для финансовыхъ цѣлей, а въ такихъ случаяхъ цифры количества перелога, дикаго поля и

1) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Моск. губ. отдѣлу хоз. статистики, т. IV, вып. I, М., 1879, стр. 22—24.

2) Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 46—47.

проч. теряютъ точно также свой смыслъ въ качествѣ показателей распредѣленія земли по угодьямъ“¹⁾). Принявъ этотъ выводъ, мы должны такимъ образомъ сильно ограничить значеніе писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника: онѣ оказываются негодными для рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ сельскохозяйственной экономіи. Дѣло однако въ томъ, что документъ, на который опирается г. Миклашевскій, нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу его мнѣнія. Прежде всего нѣтъ ничего удивительнаго, что пашня, паханая наѣздомъ, считается въ пустѣ: во всѣхъ писцовыхъ книгахъ можно наблюдать это явленіе; оно однако не мѣшаетъ намъ разсмотрѣть истину, руководясь этими же писцовыми книгами, которыя строго отличаютъ хозяйственное описаніе отъ финансоваго обложенія: онѣ знаютъ, сколько земли распахивается въ данной мѣстности регулярно, при правильномъ сѣвооборотѣ, и сколько пашется временами, періодически, „наѣздомъ“; съ другой стороны въ нихъ всегда отмѣчается, что обложенію подлежитъ только земля, находящаяся въ правильномъ сѣвооборотѣ. Помня все это, мы должны считать размѣры крестьянской пашни въ данномъ случаѣ въ 997 четвертей (25+972); чего совершенно достаточно на 91 крестьянскій и бобыльскій дворъ, если даже не принимать во вниманіе, что бобыли въ XVI вѣкѣ были большею частью людьми „непашенными“, что однако несомнѣнно въ виду многочисленныхъ указаній въ этомъ смыслѣ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ новгородскихъ пятинъ²⁾). Гораздо любопытнѣе

1) Тамъ же, стр. 62.

2) См., напр., Арх. М. Юст., писц. кн. 959 и 965; ср. *Латто-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 101, 102;

и важнѣе другое обстоятельство, констатируемое приводимой у г. Миклашевскаго цитатой: причисленіе владѣльческой паханой пашни къ пустымъ сохамъ, т. е. иначе говоря, свобода помѣщицей, барской запашки отъ податей. Два главные наши авторитета въ области финансовой исторіи Московскаго государства, — гг. Милоковъ и Лаппо-Данилевскій, какъ извѣстно, расходятся въ вопросѣ о томъ, была ли когда либо барская запашка свободна отъ податей ¹⁾? Вопросъ этотъ ждетъ еще своего разрѣшенія путемъ болѣе подробныхъ наблюденій и, быть можетъ, отвѣтъ получится не одинаковый для разнаго времени и разныхъ мѣстностей. Документъ, на который ссылается г. Миклашевскій, содержитъ въ себѣ очень цѣнное указаніе въ этомъ смыслѣ, но онъ вовсе не даетъ намъ права сомнѣваться въ точности цифровыхъ показаній писцовыхъ книгъ о размѣрахъ различныхъ угодій: вѣдь и Новосильская книга, хотя и исключаетъ барскую запашку изъ числа земель, подлежащихъ податному обложенію, не скрываетъ однако отъ насъ, что эти 503 четверти дѣйствительно распаивались, подвергались реальной сельскохозяйственной эксплуатаціи. А если ошибочны скептическія замѣчанія г. Миклашевскаго относительно пашни паханой, то скептицизмъ теряетъ свою почву и по отношенію къ прочимъ видамъ земельныхъ угодій.

и Дьяконовъ, Бобыли въ XVI и XVII вв.: „Журналъ Мин. Народ. Просв.“ за 1896 г., апрѣль, стр. 245.

¹⁾ См. *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 53; *Милоковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи, стр. 78. Ср. мнѣніе проф. *Емочевскаго*: „Подушная подать и отмѣна холопства“ въ „Русской Мысли“ за 1886 годъ, № 10, стр. 13.

Кромѣ ясности и точности программы, опредѣленности употребляемыхъ мѣръ и правильности приѣмовъ современная теорія статистики считаетъ необходимымъ условіемъ точности отдѣльнаго статистическаго наблюденія еще правильный выборъ времени для производства переписи. Для надлежащей регистраціи населенія важно, чтобы перепись производилась по возможности одновременно на большомъ пространствѣ, даже въ цѣлой странѣ; конечно, этому требованію писцовыя книги далеко не удовлетворяли, почему г. Лаппо-Данилевскій и считаетъ заключающіяся въ нихъ цифры населенія минимальными, значительно преуменьшенными сравнительно съ дѣйствительностью¹⁾. Не слѣдуетъ однако и здѣсь впадать въ крайность и переходить мѣру разумной критики: уже г. Милуковъ справедливо указалъ, что, будучи часто минимальной въ моментъ переписи, цифра населенія очень скоро становилась максимальной, превышавшей дѣйствительную, на что и указываютъ многочисленныя ходатайства землевладѣльцевъ передъ правительствомъ о льготахъ²⁾; къ этому надо еще прибавить, что передвиженіе населенія совершалось въ то время хотя и чаще — но гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь; поэтому, если, напримѣръ, въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ перепись производилась и не въ одинъ годъ, а въ разные, но сопредѣльные, — большихъ неточностей въ исчисленіи населенія отъ этого произойти не могло. Кромѣ того, обсуждая вопросъ о времени переписей XVII вѣка, г. Лаппо-Данилевскій находитъ, что

1) Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 214.

2) Спорн. вопросы финансовой исторіи Моск. госуд., стр. 106.

оно было выбираемо крайне-неудачно: охватывало мѣстности, находившіяся во временно-ненормальныхъ условіяхъ ¹⁾. Оставаясь пока въ предѣлахъ XVI вѣка, замѣтимъ, что къ описаніямъ этого времени подобный упрекъ относиться не можетъ. Извѣстно, что массовыя описанія конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, а также и второй половины вѣка вызваны были соображеніями административно-финансоваго свойства, главнымъ образомъ потребностью равномернѣе распредѣлить тягло въ разныхъ областяхъ страны и установить единообразную единицу обложенія, а вовсе не бѣдствіями, временно постигавшими ту или другую часть территоріи государства ²⁾.

Чтобы покончить съ вопросомъ о точности отдѣльнаго наблюденія при составленіи писцовыхъ книгъ, необходимо взвѣсить, съ одной стороны, тѣ обманы со стороны населенія, которымъ подвергались писцы, и тѣ ошибки, которыя сопровождали производство переписей, — съ другой, коррективы этихъ недостатковъ, существовавшіе въ то время. Обманы, конечно, могли и даже должны были существовать: населеніе старалось показывать меньшее количество пашни, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, чтобы платить поменьше; служилые люди намѣренно уменьшали числящійся за ними дѣйствительный помѣстный земельный капиталъ, чтобы тѣмъ подчеркнуть несоотвѣтствіе своего оклада съ дѣйствительной дачей, вылавали свои помѣстья за вот-

¹⁾ Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 205.

²⁾ *Милюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. государства, стр. 50—52.

чины и пр. ¹⁾). Правительство имѣло однако достаточно-раціональныя средства для борьбы съ этимъ зломъ: противъ уклоненія отъ отбыванія тягла и намѣреннаго уменьшенія показаній о запашкѣ оно выставяло писцамъ требованіе брать съ собой поповъ и крестьянъ не изъ одной волости, а изъ многихъ: лица, принадлежавшія къ разнымъ волостямъ, не были связаны круговой порукой по отбыванію податей и повинностей, почему и могли быть безпристрастными цѣнителями показаній опрашиваемыхъ. Злоупотребленія служилыхъ людей, помимо этой же гарантіи противъ нихъ, предотвращались еще челобитьями своей же братіи—сосѣдей и совладѣльцевъ. Въ грамотахъ коллегіи экономіи сохранился для насъ богатый матеріалъ, составленный изъ подобныхъ челобитныхъ. Изъ нихъ же видно, что при отправленіи для производства переписи писцы всегда снабжались старыми писцовыми книгами или, если они ѣхали для описанія отдѣльныхъ имѣній, выписками изъ старыхъ книгъ. Мы думаемъ вообще, что писцовыя книги едва-ли больше теряли отъ неизбѣжныхъ обмановъ, чѣмъ современныя статистическія изслѣдованія.

Но не больше ли было въ древнерусскомъ кадастрѣ ошибокъ, чѣмъ теперь? Вѣдь писцы были люди вообще необразованные и въ частности мало свѣдущіе въ землемѣрномъ искусствѣ. Имъ мало помогали въ этомъ и руководства къ землемѣрію и податному обложенію, такъ называемыя „сошныя книги“, очень часто опи-

¹⁾ *Лапто-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 209; *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 62.

бочно опредѣлявшія площади неправильныхъ фигуръ ¹⁾. Въ общемъ въ этой критикѣ много печальной правды, но и здѣсь найдутся обстоятельства, смягчающія общій мрачный колоритъ этой пессимистической картины повальнаго невѣжества московскихъ писцовъ. Да, теоретически они были мало свѣдуши, но между ними и крестьянами было одно прочное связующее звено: и тѣ и другіе были практики, дѣльцы, берущіе не знаніемъ, а умѣньемъ, практической сноровкой. Извѣстно, что и тогда, какъ и теперь въ крестьянскомъ міру, измѣреніе земли производилось веревкой опредѣленной длины. Въ наше время крестьяне при помощи этого примитивнаго орудія мѣры достигаютъ удивительной точности въ своихъ измѣреніяхъ. Эта точность есть, конечно, результатъ вѣковаго опыта, передававшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, — она не должна быть, слѣдовательно, чужда и древнерусскому землемѣрному искусству. При всемъ томъ „мѣрщикъ“ иногда становился въ тупикъ, не могъ произвести возложенной на него работы; къ чести его надо замѣтить, что онъ въ такихъ случаяхъ прямо сознавался въ своемъ неумѣньѣ: „тое пожню мѣрити немочно, потому что вода велика и тростникомъ завалило въ иныхъ мѣстѣхъ“ ²⁾, или: пожня „вдоль 700 сажень, а поперегъ мѣрити немочно“ ³⁾— вотъ довольно часто встрѣчающіяся въ книгахъ указанія на бессиліе писцовъ вполне справиться съ своей задачей. Эти простодушныя признанія имѣютъ однако ту цѣну, что внушаютъ тѣмъ больше довѣріе къ дру-

¹⁾ *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 62.

²⁾ Арх. Мин. Юст., писцовыя кн. 740, л. 42.

³⁾ Тамъ же, л. 29.

тѣмъ цифрамъ, гдѣ писцы, очевидно, не затруднялись въ измѣреніи. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ виду слабой теоретической землемѣрной подготовки писцовъ и отсутствія вполнѣ удовлетворительныхъ геодезическихъ руководствъ, всѣ *абсолютныя* цифры разныхъ угодій надо считать вѣрными только приблизительно, и мѣра этого приближенія къ дѣйствительности, конечно, далеко уступаетъ степени вѣрности современныхъ землемѣрныхъ работъ. За то по даннымъ писцовыхъ книгъ мы можемъ смѣло заключить объ *относительныхъ* размѣрахъ разныхъ угодій: если писцы ошибались, то они ошибались при измѣреніи сѣнокосовъ въ той же степени, какъ и при измѣреніи пахатной земли: одинаковая aberrация въ обоихъ случаяхъ не мѣшаетъ сохраненію дѣйствительнаго отношенія между размѣрами того и другого вида угодій.

Итакъ мы рассмотрѣли программу древнерусскихъ описаній и убѣдились въ ея ясности и простотѣ, познакомились съ мѣрами, въ то время употреблявшимися, и оказалось, что онѣ обладаютъ необходимымъ для точности качествомъ — опредѣленностью, изслѣдовали общіе приемы описанія, достаточно правильные, убѣдились, что время, выбираемое для переписей, обманы со стороны населенія и—въ значительной степени—даже ошибки писцовъ лишь незначительно понижаютъ качество матеріала. Логическимъ выводомъ изъ этого будетъ, конечно, признаніе, что писцовыя книги въ достаточной мѣрѣ удовлетворяютъ требованію точности отдѣльнаго наблюденія, выставяемому современной статистической теоріей. Слабѣ всего абсолютныя цифры размѣровъ разныхъ угодій, но такъ какъ единственная причина этого — слабость землемѣрнаго искусства, то

эти цифры даютъ несомнѣнно достовѣрный матеріалъ для выводовъ объ *относительныхъ* размѣрахъ разныхъ угодій.

Остальныя три предъявляемыхъ теоріей статистики требованія—полноты наблюденія, точности вычисленія и возможности заключить о причинной связи изслѣдуемыхъ явленій—имѣютъ вообще производное, вторичное значеніе сравнительно съ точностью отдѣльнаго наблюденія, зависятъ отъ нея и ею въ значительной степени опредѣляются; въ частности по отношенію къ писцовымъ книгамъ и степени ихъ достовѣрности они не играютъ и той роли, какая имъ принадлежитъ при критикѣ современныхъ статистическихъ трудовъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь подѣ наблюденія разумѣется наличность такого числа случаевъ наблюденія, какое достаточно для того, чтобы сдѣлать правильный и достовѣрный общій выводъ¹⁾. Но вѣдь извѣстно, что общими экономическими выводами древнерусскіе писцы не занимались, такъ какъ цѣль ихъ работы была несравненно уже. Сдѣлать эти выводы должны современные изслѣдователи, и намъ здѣсь остается только замѣтить, что въ смыслѣ массы отдѣльныхъ наблюденій писцовыя книги способны удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ: матеріала въ нихъ очень много и отъ насъ зависитъ охватить его возможно шире и тѣмъ обезпечить полноту наблюденія.

Точность вычисленія, конечно, необходима, и всѣмъ, занимавшимся писцовыми книгами, извѣстно, что итоги въ нихъ не удовлетворяютъ этому условію: въ нихъ очень часто встрѣчаются ошибки; но что же изъ этого

1) *Фортуатовъ*, Сельскохозяйственная статистика, стр. 28.

слѣдуетъ? Значить ли это, что нельзя довѣрять источнику? Конечно, не значитъ, потому что всякій итогъ мы можемъ всегда провѣрить, руководясь подробнымъ описаніемъ. Не слѣдуетъ, значитъ, вѣрить только итогамъ, и затѣмъ отъ насъ зависитъ правильно сосчитать отдѣльные наблюденія, занесенныя въ писцовыя книги.

Наконецъ, возможно ли причинные выводы изъ матеріала, представляемаго писцовыми книгами? Можемъ ли мы, на основаніи этого матеріала, отличить, напри мѣръ, общія причины, создавшія то или другое важное явленіе, отъ причинъ частныхъ, дѣйствующихъ только въ извѣстномъ небольшомъ районѣ и въ теченіе небольшого промежутка времени? И здѣсь также возможность такихъ выводовъ зависитъ, съ одной стороны, отъ количества матеріала; съ другой, отъ нашего умѣнья имъ оперировать. Такъ какъ матеріала въ писцовыхъ книгахъ достаточно, а современная теорія статистики, опираясь отчасти и на математическую теорію вѣроятностей, обладаетъ вполне рациональными приѣмами въ дѣлѣ опредѣленія причинной зависимости наблюдаемыхъ явленій, то нѣтъ основанія сомнѣваться въ плодотворности выводовъ въ этомъ направленіи, основанныхъ на изученіи писцовыхъ книгъ. Конечно, древніе писцы не задавались такими широкими задачами и, замѣтимъ въ скобкахъ, очень хорошо дѣлали, такъ какъ изъ подобныхъ усилій съ ихъ стороны все равно ничего бы не вышло, но за то, насколько это отъ нихъ зависѣло, они старались отмѣчать конкретныя причины отдѣльныхъ, частныхъ явленій; особенно любопытны и цѣнны въ этомъ отношеніи замѣчанія писцовыхъ книгъ о причинахъ и времени запусѣнія той или другой мѣстности; такъ изъ числа деревень, тянувшихъ къ дворцо-

вому селу Паозерью въ Шелонской пятинѣ, по описанію 1572—73 года, 27 деревень запусѣло назадъ тому 6 лѣтъ, 9 деревень—назадъ тому 20 лѣтъ, 8—за 22 года до описанія и т. д., причеиъ 3 деревни запусѣли „отъ государевыхъ податей“, 1 деревня „отъ государевыхъ податей и отъ мору и отъ тяжелые описи“, 55 деревень „отъ мору“ и пр. ¹⁾). Нечего и говорить о томъ, какъ много свѣта вносятъ подобныя указанія въ вопросъ о причинахъ перемѣнъ въ составѣ и количествѣ населенія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что можно сказать о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Изъ этого видно, что древнерусской регистраціи были свойственны нѣкоторыя значительныя недостатки, но они все таки не сыграли опредѣляющей роли по отношенію къ содержанію писцовыхъ книгъ, взятому въ цѣломъ. Нѣкоторыя данныя, особенно объ абсолютныхъ размѣрахъ разнаго рода угодій, можно считать менѣе надежными чѣмъ другія, но и тутъ не слѣдуетъ заходить въ своемъ скептицизмѣ слишкомъ далеко, особенно при сужденіи о размѣрахъ такого сравнительно легко поддающагося измѣренію угодья, какъ пахотная земля. Въ общемъ писцовыя книги достаточно достовѣрный источникъ. Ихъ отличительныя особенности сравнительно съ современными работами этого рода—большая узость задачи, обезпечивавшая за то большой успѣхъ выполненія, чѣмъ это было бы возможно при широкой программѣ,—и отсутствіе правильной научной обработки собраннаго матеріала, что составляетъ вмѣстѣ и сильную и слабую сторону источника,—сильную, потому

¹⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. 706, лл. 56 об.—102 об.

что, будучи строго-конкретными, писцовыя книги даютъ намъ надежную точку опоры въ нашей работѣ, не подмѣняя фактическихъ данныхъ неизбѣжно-ошибочными общими выводами, — слабую, такъ какъ, представляя собою сырой матеріалъ въ самомъ первоначальномъ видѣ, древнерусскія описанія заставляютъ насъ потратить много труда и времени на чисто механическую счетную работу и принуждаютъ углубиться въ изученіе и примѣненіе многихъ частныхъ и подробностей статистической техники.

Не будемъ же съ излишнимъ скептицизмомъ относиться къ одному изъ важнѣйшихъ источниковъ нашей исторіи и пожелаемъ, чтобы на его изученіи сосредоточилось возможно большее количество научныхъ силъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ оговориться, что я не думаю утверждать, будто писцовыя книги не подлежатъ исторической критикѣ: ихъ необходимо подвергать повѣркѣ, но дѣлать надо это не такъ, какъ дѣлаютъ гг. Лаппо-Данилевскій и Миклашевскій, не съ точки зрѣнія современной теоріи статистики; надо обращать вниманіе на конкретныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились дошедшіе до насъ отдѣльные списки разныхъ писцовыхъ книгъ. Мнѣ извѣстны два примѣра такой здоровой критики писцовыхъ книгъ: одинъ — въ недавно прочитанномъ докладѣ нашего почтеннаго товарища предсѣдателя В. И. Холмогорова, другой удачный опытъ произведенъ провинціальнымъ изслѣдователемъ, г. Дмитріевымъ, по отношенію къ древнѣйшимъ пермскимъ писцовымъ книгамъ Яхонтова ¹⁾. Такъ какъ до-

¹⁾ См. „Труды Пермской ученой архивной комиссіи“, выпускъ II, Пермь, 1893, стр. 15—20.

кладъ В. И. Холмогорова извѣстенъ гг. членамъ комиссіи, то я укажу только на выводы г. Дмитріева. Изучая писцовыя книги Яхонтова, этотъ изслѣдователь замѣтилъ, что въ итогахъ ихъ значится больше деревень, починковъ и займищъ, чѣмъ въ самомъ описаніи. Эта разница такъ велика, что ее нельзя въ данномъ случаѣ объяснить обычною неточностью счета. Но дѣло въ томъ, что подлинная книга Яхонтова сгорѣла въ московскомъ пожарѣ 1626 г. и сохранившіеся ея списки есть результатъ позднѣйшей конструктивной работы, исполненной, какъ это документально доказываетъ г. Дмитріевъ, уже въ половинѣ XVII вѣка. Эти выводы подтверждаются еще однимъ любопытнымъ обстоятельствомъ: въ 1623—24 гг. другой писецъ, Кайсаровъ, производя описаніе пермскихъ Строгановскихъ вотчинъ, пользовался и книгами Яхонтова, тогда еще существовавшими въ подлинномъ видѣ; онъ отмѣтилъ въ своихъ книгахъ итоги описанія Яхонтова, и оказывается, что они согласны съ итогами, указанными въ возстановленныхъ Яхонтовскихъ книгахъ, и противорѣчатъ самому тексту описанія въ этихъ послѣднихъ. Очевидно, вѣрить надо итогамъ, а не тексту описанія.

Безъ такого анализа данныхъ изслѣдователь экономического быта XVII вѣка неизбѣжно впалъ бы въ крупную ошибку. Въ эту сторону и должна быть направлена критика писцовыхъ книгъ вмѣсто того, чтобы одерживать легкія на первый взглядъ, но, какъ мы только что убѣдились, сомнительныя побѣды надъ „невѣжествомъ“ древнерусскихъ писцовъ.

Н. Рожковъ.

